

Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»

**О производстве деревянной посуды в
Кирилло-Белозерском монастыре в
первой трети XVII века (1610-1637гг)**

И.А. Смирнов

Деревянная посуда – один из интереснейших видов материальной культуры русского народа. Зародившись в глубокой древности, достигнув своего наибольшего развития и расцвета в средневековье, деревянная посуда приходит в упадок в связи с появлением стеклянных, фарфоровых, фаянсовых изделий, с которыми она уже не может конкурировать. Вытесняемая фабричными изделиями в центральных промышленных районах, деревянная посуда долго жила на окраинах, но при этом менялась техника её производства и формы.

О производстве деревянной посуды в Кирилло-Белозерском монастыре в XVI-XVII веке упоминают многие исследователи. Достаточно назвать работы С.В. Бахрушина, С.К. Просвиркиной, И.Е. Забелина. Однако обобщающих работ по этой теме нет. Опубликованные в 2010 году З.В. Дмитриевой «Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601-1637 гг.» позволяют сделать некоторые обобщения хотя бы для первой трети XVII столетия.

Опись 1601 года зафиксировала широкое употребление деревянной посуды в Кирилло-Белозерском монастыре. Причем использовалась она для различных целей: для собственного использования, для раздачи паломникам, для подношений царю, патриарху, князьям и боярам, для продажи. Известно, что Кирилло-Белозерский монастырь уже в XVI веке производил большое количество посуды, причем её производство было хорошо отлажено. Письменные источники упоминают о специализации токаря, ложечника, судописца. О высоком качестве изготавливаемой посуды можно судить по тому, что она посылалась в числе дорогих подарков да и хранилась в самом монастыре вместе с драгоценными изделиями. Так, Опись 1601 года сообщает, что в Казенной палате в сундуке хранились вместе с серебряными чарками, вкладными ковшом «в дву ставех 300 ложек репчатых с присадки рыбьими ...». Там же хранилось «200 блюд больших и средних, 52 блудечка маленьких, 18 тарелок». В Казенную палату, вероятно, попадали и изделия монастырских ремесленников. Так в описи особо оговариваются «Суды деревенные: ковши, и блюда, и ложьки, и ставцы, и достаканы, и братины». В эту группу попали 25 ковшей каповых и «репчатых», 92 става блюд деревянных росхожих, 104 ставика, а в них 700 достаканцев, и чашек, и ставчиков, и солончечек под красками, 245 ставцов вязовых под суриком, 20 ставцов березовых под олифою, 500 достоканов вязовых под киноварью, 300 достоканов под суриком березовых, 300 достоканов березовых белы, 6000 ложек шадровых, 327 ложек репчатых, 82 ложки корелчатых, 63 ложки черных. Особо хранилась в Казенной палате расписная посуда: «В Казенной жь в нижней в заднее полате в сундуке братина шадровая, венец подписан золотом; 9 братин вязовых, венцы подписаны золотом; 38 братинок вязовых под киноварем; 38 ставиков, а в них 152 ставца вязовых подписаны золотом и красками. Деревянная посуда широко использовалась для организации монастырской трапезы. В связи с этим рядом с трапезной палатой имелась небольшая каменная палатка, где хранились скатерти подсвечники, медная посуда и «18 чаш деревянных больших, 14 ковшов тверских, что кладут по большим чашам, ... яндова деревянная...». Большое количество медной и деревянной посуды имелось еще в поварне деревянной, где готовили пищу для гостей.... Значительная часть посуды была сосредоточена в жилых помещениях, предназначенных как для проживания кухонных работников, так, по видимому, и для приготовления столовых припасов. В той же Описи 1601 года упоминается «позади трапезы две кельи, а живут в них 2 подкеларника, да чашечник. А в кельях... 25 тарелок березовых, 60 блюд росхожих..., 5 ставов блюд деревянных...». За кельями игумена в монастыре имелись ледники каменные, где в летнее время держали квас, свежую и соленую рыбу. В квасном погребе имелось «семь ковшов каповых и репчатых, сорок один ковш вязовый и шадровый братских, двадцать шесть ковшей малых тверских..., 3 чаши вязовых под киноварем, недомерки...»

По уставу Кирилло-Белозерского монастыря, монахам не разрешалось иметь в своих кельях посуду и кухонные принадлежности. Все необходимое они получали от казны. Для принятия пищи иноки собирались в трапезной палате. А в перерыве между трапезами могли попить квасу, в специально оборудованном помещении. Однако некоторым старцам предоставлялось исключение. Первая монастырская опись зафиксировала имущество, находящееся в кельях у старца Леонида и его учеников. Среди большого количества вещей имелась и деревянная посуда. Так, у самого старца имелся «ставик чашек подписанный золотом». У Ионы Бруткова, ученика Леонидова, имелось «4 ставика чашек, 1 ставик ставцев, 9 братин с покрышками, 2 ендовки, братинка корельчатая, чашка гостиная, ковш репчатой». У всех сосудов венцы были «подписаны золотом». Кроме того в его келье имелось «6 ковшей репчатых, 61 чашка гостиная, 51 ложка репчатая, 281 ложка подрепчатая и шадровая, 2 ставня с 20 блюдами тверскими, братинка с крышкою, подписана золотом, два лжечня вязеных». У другого ученика старца Перфирия Латынина в келье находилось «6 братин с покрышками расписанных золотом, братина велика с покрышкою расписана золотом, 3 ставика чашек подписаны золотом, ставик ставцев подписан золотом, 3 ковшика колужских, 6 блюд тверских, 3 торельки вязовых. 2 братины с покрышками подписаны золотом, 36 ложек репчатых. 140 ложек шадровых, кувшинец деревянной красной». У старца Александра Горайнова имелось «2 ковшика репчатых белых, 5 чашек гостиных, кувшинец деревянный с покрышкою, 7 чарок путных березовых, блюдечко красное вязовое, 2 ставчика, миса братская подписана красками». В составе имущества монастырских служек, служек старца Леонида его учеников, у советников тоже имелась деревянная посуда. Так, у Ивашки Ларионова имелось 10 блюд деревянных, чаша троицкая с кровлею, братинка подписанная золотом, ставик чашек, чашка дорожная. У Шумилка Булатова имелось «6 чашек кубоватых подписанных золотом, ставик чашек подписанный золотом, 12 чаш гостиных под киноварем, 16 ложек щетчатых и шадровых, 2 ставика чашек «подписаны золотом», ставик ставцов, подписан золотом, ставик чашек, подписан красками, ставик ставцев, подписан красками, 2 чаши с кровлями, чаша гостиная, подписана золотом, 5 чаш гостиных под суриком, 5 ковшиков, 2 чаши с кровлями, одна из них подписана золотом, ковшик шадровой, став деревянный, ставик чашек «под суриком подписан», ковш подрепчатой, 30 ложек, братиночка валовая, 2 чашечки гостины, 2 блюдечка маленки вязовые».

Применение токарного станка дало возможность кирилловским ремесленникам значительно повысить производительность труда и перейти к большему единообразию вырабатываемой посуды. Первое описание токарной избы встречается в той же описи: «... у меньшего монастыря с московского приезде двор, а живут в нем ... токарники, оконишники... и всякие мастеровые люди. Да за двором анбар 5-сажен, а держат в нем токари дерево вязовое и березовое, в которых суды делают». В монастырской «токарной избе» вырабатывались ложки, посохи и всякие «точеные сосуды». О масштабах деятельности этой мастерской свидетельствует Смета доходов и расходов обители за 1601 год, опубликованная Н.Н. Никольским в качестве приложения к его капитальному труду по истории Кирилло-Белозерского монастыря, сообщающая о монастырских запасах: «6873 ложки, в том числе 300 ложек репчатых, добрых с присадками из рыбьего зуба, 327 репчатых тоже с присадками, 83 корельчатых, и 63 черных». Кроме того хранилось сырье: «на ложки и на ножевые черенья дерева репчатого и шадрового на 15 рублей, и 45 дерев валов репчатых больших и малых». Токарные станки еще долго использовались в монастыре. Опись 1773 года описывает один из таких станков «Колесо токаренное деревянное точеное. В нем веретено железное об одном крюке, при нем блок деревянный с веретеном железным». К токарному станку прилагались «токарных долот три, желобчатых два, косых два, гнутых крюками одно лоточком».

В рассматриваемый нами период Кирилло-Белозерский монастырь сохранил значение одного из самых крупных ремесленных центров на Руси, причем его торговля и хозяйственная деятельность интенсивно развивались. Опубликованные З.В. Дмитриевой прихода-расходные книги позволяют оценить масштабы производства деревянной посуды в монастыре, определить её назначение, выявить имена мастеров, занимавшихся изготовлением посуды, определить географию заготовки и приобретения сырья для её производства.

В 1610-1637 годах при шваленном дворе Кирилло-Белозерского монастыря трудились мастера по производству деревянной посуды: лошкарри, токари, судописцы. Наиболее многочисленной была категория лошкаррей. Прихода-расходные книги на протяжении 27 лет зафиксировали имена 7 мастеров данной специальности. Чаще всего упоминается имя Оська (Осип). Он работал ложечником в монастыре на протяжении всего рассматриваемого периода, т.е. 27 лет. Шестнадцать лет работал на монастырь мастер Левка (Лева, Левонтий). По три - четыре года отработали Максим и Микуша. В зависимости от мастерства, стажа работы ложкарри, как и другие мастера шваленного двора, получали различное годовое жалование. Так, в 1611-1614 годах ложечник Оська получал по одному рублю. С 1615 года его жалование увеличилось до 1,5 рублей. В то же время мастера более низкой квалификации и имевшие меньший опыт работы получали значительно меньше. Так, в 1626 году годовое жалование мастеров Шваленного двора выдавалось по шести статьям. Ложечник Осип получил по первой статье 1 рубль 16 алтын 4 деньги. Второй мастер Лева получил жалование по четвертой статье в размере 1 рубль 6 алтын 4 деньги, а третий мастер Проня по пятой статье получил 1 рубль 3 алтына 2 деньги. При повышении квалификации оплата повышалась, и уже в 1632 году ложечник Лева стал получать полтора рубля. Ведущие мастера промысла занимались не только изготовлением ложек, но нередко и приобретением сырья, готовых изделий для монастыря. Так в июле 1619 года ведущий мастер-ложечник Осип ездил на ярмарку в Заозерье, где приобрел для монастыря 47 тверских блюд, 650 «шадровых волоцких» ложек, древесины репчатой на 1 рубль 24 алтына, рог олений на «присадки». Вероятно, в этой поездке Осип выступал с одной стороны в качестве доверенного агента монастыря, которому доверялось производить закупки, с другой стороны в виде эксперта по качеству сырья и готовой продукции. Некоторые мастера постригались в монахи. Так, в прихода-расходной книге за 1610 год сообщается о вкладе старца Касьяне, что «в миру был ложечной мастер Костянтин», в сумме 2 рубля 5 алтын 2 деньги. Можно добавить, что эта сумма в два с лишним раза выше годового жалования ложечного мастера.

О масштабах производимой ложечниками продукции говорить сложно. Вероятно, значительная часть её шла на внутренние потребности монастыря и его вотчины. Данная продукция не учитывалась в прихода-расходных книгах. Ложки, выполненные из ценных пород дерева, украшенные нередко костяными вставками, шли на подарки гостям. Продажи осуществлялись нечасто. Прихода-расходные книги 1610 – 1637 годов зафиксировали лишь один факт продажи – в 1626 году за 3 алтына 2 деньги была продана в Нилов скит (Нило-Сорская пустынь) репчатая ложка. Однако объемы приобретаемого сырья и полуфабрикатов позволяют предполагать о большом количестве произведенной продукции. Так, за рассматриваемые нами 27 лет только полуфабрикатов – «отесков ложечных шадровых» было приобретено 10 502 штуки. За это же время монастырь приобрел много ценной древесины (кап (?), карельская береза, вяз, шадровая древесина), которая также могла использоваться для производства ложек. Прихода-расходные книги позволяют иногда определить имена людей, поставлявших заготовки в монастырь. Так, в 1636 году поставкой и, вероятно, изготовлением ложечных «отесков» занимался «волоцкой целовальник» Есип Никитин и подмонастырский крестьянин Богдан. Двумя годами ранее «отески шадровые» поставлял в обитель «рукинец» Никифорка

Степычевский. Монастырские ложечники изготавливали и дорогие красивые ложки со вставками из «рыбьей кости». Приходо-расходные книги фиксируют разовую покупку моржового зуба (клыка) весом в 615 г., которого на Руси называли рыбьей костью. В то же время ежегодно монастырь покупал более дешевую ей замену. Так, за рассматриваемый нами период, были приобретены 21 олений рог, 20 лосинных рогов и их фрагментов, 1850 «костей лосиных к ложкам», а также «мелких рыбных костей на присадки» на 22 алтына. Дорогие парадные подарочные ложки в XVII столетии, судя по сохранившимся единичным экземплярам (ГИМ), имели несколько иной вид, чем те, которыми пользуются в настоящее время. Лопасты ложек были овальными, несколько вытянутыми к короткому стеблю (чрену). Конец стебля оправлялась в серебро либо кость. Такая форма ложек была удобна для их хранения и перевозки в ставах используемых и в качестве дорожной посуды и футляров для перевозки ставчиков, тарелок, ложек. По Описи 1601 года известно, что в такой ставец могло поместиться 150 ложек. Кроме больших футляров для хранения ложек имелись и индивидуальные. За 27 лет монастырем было куплено в казну 880 «вязаных лжечней» - футляров для ложек. Приобретали лжечни в казну по 2-3 копейки за штуку. Большей частью эти футляры закупаались, но иногда и изготавливались и в самом монастыре. Так, в 1625-1626 годах старец Логин связал из монастырских нитей 25 лжечней. За работу он получил вознаграждение - по копейке за штуку. Монастырские мастера, видимо, участвовали и в доработке купленных ложек. Так среди приобретенных монастырем ложек встречаются проолифленные и «белые», а иногда даже ложки репчатые «неделанные». Несмотря на значительные объемы собственного производства, монастырь вел еще значительные покупки. За 1610-1637 гг. было приобретено 24 035 ложек, в том числе праздничных дорогих 48 ложек репчатых и 3500 ложек «волоцкого дела с костями».

Другой значительной группой мастеровых в шваленном дворе были токари. Приходо-расходные книги за 1610-1637 годы называют имена 6 токарей: Оксен Максемов, Меньшик, Первуша Тетерин, Меркуша, Еуфим (Елфим), Гриша Крюк. Стаж работы половины из них превышал десять лет. Токари точили на токарных станках деревянную посуду. Приходо-расходные книги не содержат информации об объемах производства, ассортименте токарной продукции. Однако помещенные там сведения о закупках деловой древесины, заготовках дают об этом некоторое представление. На протяжении 1610-1627 годов монастырем было приобретено древесины вяза для изготовления чашек 590 штук, 660 «чюрок вязовых» для изготовления чашек, более 497 больших и малых деревьев «репчатых и подрепчатых» на 189 рублей, 204 отеска «чашечных кубоватых корельчатых». Значительная часть «вязника» была приобретена в селе Санникове, часть ложечных «отесков» монастырь получал из Волока Славинского. Наиболее ценную древесину - дерево репчатое монастырские слуги покупали в городах: Вологде, Ярославле, Угличе, Белоозере, селах: Санникове, Волоке Славинском, Устье Кубенском, а также на многочисленных ярмарках в том числе и трижды в год проходивших у стен монастыря. Вероятно, следует оговорить вопрос о размерах репчатой древесины. В приходо-расходных книгах не указана ни длина, ни вес «деревца репчатого», указана только стоимость, да иногда некоторые отличительные признаки, позволяющие предположить очень большую разницу в размерах (объемах) данного материала. Так, в феврале 1626 года монастырь приобрел у белозерского посадского человека Оброса Шумилова «дерево большое репчатое, дано 2 рубля». В июне 1621 года на монастырской ярмарке, посвященной памяти чудотворца Кирилла было приобретено «...четыре деревешка репчатых, дано 12 алтын», т.е. по 3 алтына за штуку. Разница в оплате первой и второй покупки составляет в 22 раза. Видимо, так оценивались и размеры древесины. Требуется особое размышление и порода дерева, из которого получали «репчатую и подрепчатую» заготовки. В Указателе к работе З.В. Дмитриевой сообщается, что это древесина платана. Известные отечественные исследователи традиционных русских

промыслов С.Б. Бахрушин, С.К. Просвиркина отмечают, что «репчатое дерево» это каповые наплывы на стволе березы, напоминающие по форме репу и имеющие кольцообразный узор древесины, подрепчатая древесина это промежуточная часть между репчатым наслоением (капом) и стволом дерева – прямизной. С мнением последних исследователей на первый взгляд согласиться легче. Действительно «кап» и в настоящее время встречается довольно часто и на обширной территории. В деревообрабатывающей промышленности и в народных промыслах используют каповые наросты, полученные как с самого дерева, так и с его корней. Находят иногда такие наросты диаметром до 2-х метров. Кап всегда ценился за красоту узора древесины, прочность и плотность. Из капа можно было изготовить посуду с очень тонкими стенками. Каповые сосуды не требовали окраски, они только покрывались олифой, иногда слегка подкрашенной, и нередко оправлялись в серебро. Платан или чинара в настоящее время встречаются только на юге России и в Западной Европе. География закупок, список продавцов этого вида древесины не позволяют сделать вывода о привезенном его характере. Возможно, третью версию предполагает Опись Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. В описании инвентаря каменного погребца за игуменскими кельями она перечисляет «на погребце же семь ковшов каповых и репчатых...». В описании имущества, хранимого в Казенной палате обители вновь встречается подобная запись «25 ковшов каповых и репчатых». Скорее всего, это не описка писцов, а описание двух типов ковшей, и разница между ними в материале. Словарь русского языка С.И. Ожегова трактует слово «репчатый» как «сходный по виду с репой». В качестве примера приведен лук репчатый. Из этого мы видим, что главное в этом определении форма предмета, а не содержание. Известно, что кап, или каповые наросты встречаются на ветвях старых деревьев, на самом стволе (стволовой кап), на корнях (капкорень). Находят кап на дубе, грецком орехе, черной ольхе, осине березе. Самая красивая древесина у березового капа и грецкого ореха. Вероятно, что все эти виды деревьев, имевшие каповые наплывы, напоминавшие по форме репу и имеющие кольцообразный узор древесины, шли на изготовление «репчатой» посуды. Изделия из березового капа с очень красивой структурой и повышенной крепостью называли каповыми, а посуду, выполненную из каповых наростов других деревьев называли «репчатой».

В Холмогорах и на ярмарках закупалась и «рыбья кость». В приходо-расходных книгах имеется информация и о приобретении инструмента для изготовления посуды. Так в апреле 1615 года в монастырь купили 2 резца за 1 алтын.

Кроме чаш токари, вероятно, точили ставки для ставчиков и чашек, тарелки, делали посохи. В 1615-1616 гг. значительное количество токарной посуды для монастыря сделал крестьянин Марк с Иванова Бора. Он выточил 1300 «гостиных» чашек. За работу получил 2 рубля 13 алтын 2 деньги. Наиболее опытные токари участвовали, как и ложкари, в закупках материалов и уже готовой посуды. Токарь Первуша Тетерин в 1617-1634 гг. многократно выезжал в село Санниково, г. Белоозеро для приобретения «дерева репчатого», «отесков шадровых» на ложки, оленьих рогов. А закупалась токарная посуда в большом ассортименте. В течение 27 лет монастырь закупил 3 073 ставцев и блюд, из них 2/3 были тверскими. Различались блюда и ставцы и по виду использованной для их изготовления древесины: ольховые, осиновые, липовые. Некоторые ставцы покупались «белыми» и шли в дальнейшую доработку. За этот же период монастырь закупил 923 чаш и чашек, 10 «братинок корельчатых», 1 скобкарь. Среди чаш преобладали чашки «гостиные» простые, но единично приобретались и чаши «корельские подписаны золотом». Последние, вероятно покупались для подарков. Приобретались и чаши «белые потешальные» и чаши «корельские без кровель и не расписанные». Вероятно, они предназначались для доработки. Кроме чаш и ставцов за указанный период монастырь приобрел 100 солонок и 101 ковш. Последняя категория имела во второй половине XVII -

начале XV в. большую спецификацию. В зависимости от материала, величины, назначения ковши имели различные названия: репчатый, шадровый, поваренный, поваренный большой и малый, шадровый «в естовую поварню», долгостебловой, «красной шадровой долгостеблой в квасную поварню», «валовой красной».

Доработкой, расписыванием дорогой праздничной посуды занимались в монастыре судописцы. Приходо-расходные книги за 1610-1637 гг. называют имена трех судописцев: Калина, Петруша (Петруня), Офонка. Стаж работы их варьировался от 3-х до 10 лет. В 1611-1621 годах ведущим судописцем обители был Калина. Он получал самое высокое годовое жалование. В 1626 году в списках мастеров Шваленного двора появляется судописец Петруша (Петруня). Первоначально он получал годовое жалование по 3-й статье в размере 1 рубля 10 алтын. К 1632 году он выходит в ведущие мастера и получает годовой оклад в полтора рубля. Помимо работы на монастырь Петруша, вероятно, выполняет и частные заказы. Для этого он у монастыря приобретал расходные материалы. Так, в 1634-1635 гг. он купил у монастыря две тетради «золота двоеличного» за 27 алтын 5 денег. Приличные доходы Петруши предполагают и расходы. В июне 1635 Петруша приобрел из монастырской казны верхнюю одежду, серебряный крестик постриженника Игната Воропонова и перстень серебряный Дмитрия Староченина за 32 алтына 7 денег.

Для обеспечения работы судописцев, монастырем закупались расходные материалы: краски, олифа, золото, серебро, яйца. Значительная часть закупалась для работы как судописцев, так и иконописцев, поэтому выделить объемы затраченных материалов не представляется возможным. Яйца нередко приобретали сами судописцы. Всего за рассматриваемый нами период на приобретение яиц монастырь израсходовал 14 алтын 18 денег. Десяток яиц покупали за одну деньгу. Нетрудно подсчитать, что на роспись посуды монастырь приобрел 1020 яиц.

В 1619-1633 годах для выполнения особо важных заказов по росписи монастырской посуды привлекались иконописцы. Так, в апреле 1619 года иконописец Кирилл Сидоров «подписывал золотом десять чаш вязовых с кровлями, дано ему от подписки 12 алтын». В мае 1626 года он «подписывал 2 ставка монастырских ставок ставчиков, другой чашек да 3 торели вязовые золотом, дано ему от письма 3 алтына 2 деньги, кроме золота, золото монастырское». С Кириллом Сидоровым связан довольно редкий на Руси фиксированный случай ученичества. В августе 1627 года Кирилл Сидоров подрядился у монастыря за один рубль 16 алтын 4 деньги обучить «монастырского малово Анфима Петрова сына Вологжанина суды подписывати». Другой иконописец Григорий Ростовец в августе 1627 года «подписал монастырских в казну 10 чашек кубоватых корельчатых с кровлями золотом, дано ему от письма 5 алтын, кроме золота, золото казенное». Священник Горицкого Воскресенского монастыря Данило также выполнял для Кириллова монастыря эпизодические заказы по росписи посуды. Так, в августе 1627 года он «подписал в казну казенных 10 чашек кубоватых с кровлями корельчатых золотом, дано ему от письма 5 алтын, кроме золота, золото казенное». В мае 1633 года он же «из Гор священник Данило подписал в казну 8 ставок ставчиков, золото и левкас казенное». За работу Данило получил 13 алтын 2 деньги. Брат горицкого священника Аким также выполнял монастырские заказы. В июле 1627 года он «подписывал казенных в казну 20 чашек кубоватых с кровлями корельчатых золотом и серебром. Дано от письма 15 алтын, кроме золота и серебра, золото и серебро казенное».

Монастырские власти постоянно укрепляли материальную базу производства деревянной посуды. В декабре 1611 года подмонастырский крестьянин Якуня Юрьев за 8 рублей изготовил для монастыря токарную избу с внутренней отделкой на «шваленный дворец». Видимо, эта изба сгорела в августе следующего года, когда поляки и литовцы при первом

нападении на Кирилловскую обитель «выжгли конюшенный дворец и гостинный двор и шваленный дворец» и другие, находившиеся за пределами монастырского кремля деревянные службы, где по оплошности находились запасы и скот. В результате шестилетней осады Кириллов потерял много защитников, население Белозерской вотчины сильно сократилось, прямые убытки исчислялись почти в 15000 рублей. По мнению историков А.Н. Кирпичникова и И.Н. Хлопина «война сокрушила цветущую монастырскую цивилизацию, обезлюдил вотчину, разрушила пашню и торговлю, промыслы, службы и дворы». Приходо-расходные книги 1610-1637 года показывают, что, несмотря на осадное положение, Кирилло-Белозерский монастырь сумел сохранить штат квалифицированных мастеров, занимающихся производством деревянной посуды. В ноябре 1613 года им как обычно было выплачено годовое жалование. Только на год-полтора были приостановлены закупки древесины. С 1614 года покупка и изготовление деревянной посуды стали вновь проводится в больших объемах. Неизвестно где находилась шваленная служба в военное время, но то что она была не вызывает сомнений. Те же книги в мае 1615 года зафиксировали пострижение «со швальни» сапожного мастера Потопия. В марте 1627 года купили «стол на швальню мастерской». А в декабре «на швальне у горницы поделывали трубу». В октябре 1632 года плотник Кондрашка Денисов «с товарищами... на швальне в новой избе зделал нутро, от дела дано 2 рубля». В мае 1635 года монастырские власти решили построить новый шваленый двор. Для этого они заключили договор с боровичскими мастерами Сидором Григорьевичем, Андреем Клементьевым, Петром Фоминым, Яковым Аверкмевым. Эти мастера срубили «большую шваленную пяти сажень, и мост и потолок намостили, и застрешины и курицы сделали, и в монастырь привезли...». Работы по обустройству мастерской продолжали местные мастера. Так, в марте 1637 года, «подмонастырский бобыль Онтонко Семенов с товарищи зделали в новом шваленном дворце в большой избе нутро», а в апреле того же года в нем и в «котельне зделали 2 чулана».

Итак, анализ источников показывает, что производство деревянной посуды в первую треть XVII века в Кирилло-Белозерском монастыре получило дальнейшее развитие. Благодаря обилию и близости сырья и несложности техники в производство легко втягивались и монастырские крестьяне. Монастырь, развивая в должной мере и свою производственную базу, являлся в какой-то мере организатором производства среди монастырских крестьян и использовал продукты их труда не только для обслуживания монастырской братии, но и в качестве товара. Для крестьян это было хорошим подспорьем для уплаты денежного оброка и государственных налогов. Монастырские власти в большом количестве закупали сырье для производства деревянной посуды, выделяли лучших ремесленников, ставя их в особое положение и уплачивая годовое жалование, сельским ремесленникам распределяли заказы на производства заготовок и готовой продукции. К особо ответственным заказам по росписи посуды привлекались иконописцы. Обеспечивая заказами, скупая сырье и деловую древесину у крестьян монастырь способствовал развитию этого вида производства в сельских ремесленных центрах, таких как Волок Славинский.